

М и р о в о с п р и я т и е с о в р е м е н н ы х р о с с и я н

Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда)

Латова Наталия Валерьевна –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: myshona@rambler.ru

Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда)

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433

Аннотация. При этнометрическом анализе культурных особенностей россиян анализируются количественные оценки приверженности респондентов тем или иным ценностям. Для определения культурной специфики россиян использована этнометрическая методика Г. Хофстеда (VSM94). Согласно результатам всероссийского исследования, проведённого в марте–апреле 2010 г., для России типичны западные показатели «индивидуализма» и «дистанции власти», которые определяют поляризацию стран мира на Восток и Запад. При этом у России наблюдается очень высокое «избегание неопределённости», не характерное даже для большинства восточных стран, и пониженный показатель «маскулинности», который также выводит нашу страну на особые позиции по отношению не только к странам Запада, но и к большинству стран Востока. Такие масштабные рассогласования показателей, характеризующих базовые основы национальной культуры, не только в очередной раз говорят о специфике России, но и требуют более глубокого анализа того, что стоит за этой рассогласованностью. В ходе этого анализа автор рассматривает отдельные компоненты показателей, используемых в методике Г. Хофстеда (каждый из этих показателей основан на тестировании четырёх базовых ценностей). Сделаны выводы, что нормы, лежащие в основе хофстедовых характеристик «дистанция власти» и «индивидуализм», разделяются большинством россиян, что свидетельствует об устойчивости «европейских корней» российской культуры. Схожесть этих показателей для стран Запада и России является аргументом в пользу утверждения, что западные формальные институты (правовые нормы, организационные структуры) будут позитивно восприняты общественным сознанием россиян. В то же время характеристики «маскулинность» и «избегание неопределённости» являются гетерогенными, что говорит о наличии определённых ценностных противоречий в общественном сознании. Сформулированы гипотезы о тенденциях изменения хофстедовых характеристик российской культуры: «дистанция власти» останется стабильной, «индивидуализм» и «маскулинность», возможно, будут повышаться, тенденции изменения «избегания неопределённости» не ясны. Гетерогенные характеристики «маскулинности» и «избегания неопределённости» должны, видимо, нивелироваться по мере стабилизации ситуации в России. Однако экономический кризис, начавшийся в 2014 г., вряд ли будет способствовать чёткой артикулированности этих двух показателей в ближайшее время.

Ключевые слова: этнометрия, культурная специфика россиян, ценностная гомогенность, ценностная гетерогенность, модернизация

Успешность процессов модернизации российского общества связана не только с готовностью элиты проводить решительные реформы, но и с готовностью населения поддерживать эти инициативы. Внедрение инновационных институтов вряд ли будет эффективным, если они не станут соответствовать культурным нормам большинства россиян. Очевидно, что ценностный консенсус в рамках отдельно взятой страны способствует стабильности в обществе, создавая благоприятную почву для солидарности и бесконфликтного решения возникающих в нём проблем. Отсутствие же общих ценностей – причина бесконечных и безрезультатных дискуссий о том, каковы же «истинные» национальные интересы, кто виноват в их забвении и что надо делать.

Не следует забывать, что советский период развития России хотя и завершился 25 лет назад, но ещё не стал далёкой историей. Жизненные реалии за последнюю четверть века сильно изменились, тем не менее, наиболее инертные ко всякого рода изменениям «старые» культурные ценности не исчезли, а всё ещё переживают структурную трансформацию. Такого рода длительные ценностные трансформации могут внести как позитивный вклад в модернизацию общества (при обновлении ценностной базы с высокой степенью гомогенности¹ самих этих ценностей), так и способствовать процессам стагнации (когда происходит размывание старых ценностей при высокой изначальной степени ценностной гетерогенности). Данная проблема ставит для исследователей на повестку дня два взаимосвязанных вопроса: какова же постсоветская культурная специфика населения современной России и насколько равномерно эта культурная специфика проявляется у россиян (или другими словами, насколько однородна (гомогенна) эта специфика)?

Среди количественных методов, предложенных в последние десятилетия для изучения культурных особенностей, большую популярность приобрели этнометрические методики². Они дают широкие возможности не только для кросс-культурных и межстрановых сопоставлений (etic-подход), но и для исследований на уровне отдельно взятой страны (emic-подход). В нашем исследовании при изучении культурных ценностей россиян etic-подход становится базовым для выявления рос-

¹ Под ценностной гомогенностью мы понимаем ценностную однородность общественного сознания, т. е., например, в том случае, если ценности индивидуализма поддерживаются подавляющим большинством общества, то речь идёт о ценностной гомогенности, однако если половина общества придерживается индивидуалистических ценностей, а вторая половина склонна к коллективистским, то в таком случае для общества характерна ценностная гетерогенность.

² Под этнометрическими исследованиями (этнометрией) понимается направление этносоциальных исследований, анализирующее кросс-культурную специфику различных социальных (прежде всего, национальных и этнических) групп с использованием формализованных методов измерения.

сийской культурной спецификации, а emic-подход – для анализа однородности выявленных культурных характеристик среди населения.

В ряду современных кросс-культурных исследований, носящих этнометрический характер, наибольшим влиянием пользуются такие методики, как исследовательская программа по глобальному анализу лидерства и поведения в организациях GLOBE (Global leadership and organizational behavior effectiveness) под руководством Роберта Хоуза [House et al. 1999; Javidan, House 2001; House et al. 2002], проект «Исследование мировых ценностей» WVS (World Values Survey) под руководством Рональда Инглхарта [Inglehart, Baker 2000; Инглхарт 2002], исследования SVS (Schwartz Value Survey), инициированные Шаломом Шварцем [Schwartz 1992; Schwartz 1994; Schwartz, Ros 1995; Schwartz, Bardi 1997; Schwartz 1999], и «Модуль исследования ценностей» VSM (Values Survey Modules) Гирта Хофстеда [Hofstede 1980; Hofstede 2001; Hofstede et al. 2010].

Этнометрические методики при определении культурных характеристик той или иной страны оперируют средними показателями по генеральной совокупности. На первых порах такого рода подход привёл к тому, что проблема *ценностного консенсуса* в изучаемой совокупности отошла на второй план. Только с начала 2000-х гг. учёные-этнометристы заново стали переосмысливать проблему ценностной дифференциации в рамках той или иной отдельно взятой культуры [Na, Duckitt 2003; Steel, Taras 2010; Fischer, Schwartz 2011], придя к мнению, что «уровень ценностного консенсуса может быть настолько же значимой характеристикой культуры, как и уровень важности той или иной ценности» [Schwartz, Sagie 2000: 466].

Исследования по определению характеристик культурной спецификации россиян с помощью этнометрических методик ведутся российскими учёными уже более 20 лет. За этот период на российском пространстве были апробированы все перечисленные методики. В частности, российские результаты проекта GLOBE были представлены в работах М. Грачева [Грачев 1999; Grachev 2009]; данные по России, полученные в проекте WVS [Инглхарт 2002; Инглхарт, Вельцель 2011], с 2011 г. активно популяризируются и дополняются в Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ «Высшая школа экономики»¹; методика Ш. Шварца регулярно используется в исследованиях под руководством Н. Лебедевой [Лебедева, Татарко 2007; Lebedeva, Tatarko 2012; Цой и др. 2016] и В. Магуна [Магун, Руднев 2010; Магун и др. 2015; Magun et al. 2016]; на основе VSM94 проводятся исследо-

¹ Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ Высшая школа экономики [URL: <http://lcsr.hse.ru/>].

вания в Институте социологии РАН [Латова, Латов 2001; Данилова, Тарарухина 2003; Латова, Тихонова 2010; Danilova, Yadov 2010].

В то же время проблема дифференциации российских культурных характеристик, выявленных при помощи этнометрических методик, пока ещё не подверглась столь же пристальному научному анализу, как проблема места России на международном культурном пространстве (на «ментальных картах мира»). В. Магун справедливо заметил, что в дебатах по данной проблеме чаще всего «отсутствует фактическая информация и приводятся лишь косвенные аргументы» [Руднев, Магун 2011: 81].

Рассмотрим проблему ментального консенсуса россиян, используя для этого методику концепции Г. Хофстеда и предложенные им культурные показатели.

Концепция Хофстеда и культурные показатели

Как указывает Г. Хофстед, каждому человеку присущи определённые образцы (паттерны) мышления, эмоциональных переживаний и реальных действий. Они формируются в основном в раннем детстве, когда люди наиболее восприимчивы к обучению. Социальное программирование начинается в семье и продолжается затем в общении с друзьями, в школе и вузе, на работе и т. д. Сознательно используя аналогию с программированием компьютера, Г. Хофстед пишет, что «такого рода паттерны мышления, чувств и действий называются ментальными программами, или... программным обеспечением мышления (software of the mind)» [Hofstede et al. 2010: 5].

Конечно, поведение людей определяется этими «ментальными программами» далеко не в полной мере, поскольку у нормального человека есть способность отклоняться от привычного образца и совершать неожиданные (инновационные) действия. «Программное обеспечение мышления», о котором пишет Г. Хофстед, только указывает на то, какие реакции наиболее вероятны, заданы, так сказать, «зависимостью от предшествующего развития» (Path Dependence).

Изучая «ментальные программы», Г. Хофстед на основе собранных баз анкетных данных осуществил расчёт четырёх основных этнометрических показателей – «индивидуализм», «дистанция власти», «маскулинность» и «избегание неопределённости».

«Индивидуализм» (IDV – Individualism) – это показатель того, предпочитают ли люди заботиться только о себе и собственных семьях, либо имеют склонность объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность группе.

Изучая «ментальные программы», Г. Хофстед на основе собранных данных осуществил расчёт четырёх основных этнометрических показателей – «индивидуализм», «дистанция власти», «маскулинность» и «избегание неопределённости».

«Индивидуализм» – это показатель того, предпочитают ли люди заботиться только о себе и собственных семьях, либо имеют склонность объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность группе.

Индивидуалистической может быть названа культура, где индивидуальные цели её членов не менее важны, чем групповые, а связи между отдельными людьми не обременены сильными обязательствами действовать совместно. Ячейкой индивидуалистических культур выступает нуклеарная семья, где детей приучают быть самостоятельными и полагаться главным образом на себя и свои силы. Коллективистская культура, наоборот, характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными. Здесь люди проявляют изначальную заинтересованность в крепко связанных и сплочённых группах. Лояльность к группе – одна из наиболее важных ценностей; прямое противостояние ей не приветствуется, так как нарушает общую гармонию.

«Дистанция власти» (PDI – Power Distance) – показатель того, насколько люди готовы принимать неравномерность распределения власти в различных организациях, то есть их лояльность к так называемой «властной вертикали», где основной объём власти концентрируется на верхних уровнях.

В культурах с высокой «дистанцией власти» сама эта власть воспринимается членами социума как наиболее важная часть их жизни. Порождаемое ею неравенство рассматривается как естественное. Подчинённые и руководители находятся на двух разных социальных полюсах и имеют поэтому разное право голоса при принятии решений. То же самое касается и общественной структуры в целом: каждый занимает отведённое ему место и выполняет предписанные ему функции. Таким образом, акцент делается на иерархичность структуры общества. Соответственно этому в обществе принято демонстрировать уважение и проявлять послушание в отношениях с теми, кто стоит выше по иерархической лестнице. Критика, конфронтация и неподчинение не поощряются. Подобные общества, как правило, характеризуются быстрой и чёткой организацией деятельности, а также высокой слаженностью отдельных элементов системы. В культурах с низкой «дистанцией власти» члены общества предпочитают консультативный стиль взаимоотношений: руководитель и подчинённый независимы друг от друга и вместе принимают ответственные решения. Неравенство в отношениях «начальник – подчинённый» не одобряется. В организациях принято считать, что, несмотря на должность и статус работника, он имеет такое же право голоса, как и все остальные. Равенство и независимость – одни из главных доминант в общественном сознании. Здесь каждый может свободно высказывать своё мнение вне зависимости от того, является ли оно критическим или нет и совпадает ли с мнением тех, кто находится на вершине властной иерархии. Результатом таких довольно близких взаимоотношений между всеми членами общества вне зависимости от их статуса становится меньшая формализованность взаимосвязей. Сильная сторона такого рода культур заключается в больших возможностях раскрытия потенциала каждого члена общества.

«Дистанция власти» – показатель того, насколько люди готовы принимать неравномерность распределения власти в различных организациях, то есть их лояльность к так называемой «властной вертикали», где основной объём власти концентрируется на верхних уровнях.

«Избегание неопределённости» (UAI – Uncertainty Avoidance) – показатель того, насколько люди проявляют нетерпимость к неясным ситуациям и рискам, пытаются уклониться от них посредством выработки чётких правил, веря в их абсолютную оправданность и отказываясь терпеть девиантное поведение.

Культуры с повышенной степенью «избегания неопределённости» – это, как правило, культуры высокоэмоциональные¹. В таких культурах люди могут жестиковать при разговоре, повышать голос и вообще открыто демонстрировать свои чувства и эмоции. Для регуляции такого культурного невротизма (высокий уровень «избегания неопределённости») люди минимизируют беспокойство посредством ориентации на чёткие правила и формализованные указания, они также стремятся обеспечить строгое следование принятым культурным и законодательным нормам. Для них характерна низкая толерантность к отдельным личностям или группам с отличающимися идеями или поведением. В целом культуры такого типа больше сопротивляются любым изменениям и мало склонны к риску в какой бы то ни было форме. Стремление свести к минимуму все двусмысленные и неопределённые ситуации приводит к тому, что в детях поощряется поведение, строго соответствующее определённым нормам и/или законам. В более спокойных культурах, наоборот, открытое выражение агрессии и эмоций не приветствуется. Все эти чувства интернализированы. В культурах с низким уровнем «избегания неопределённости» принято толерантное отношение к ситуациям неопределённости. В этой группе стран люди привыкли приспосабливаться к неожиданностям, которые преподносит жизнь, и им не так важна чёткая регламентация разных сфер жизнедеятельности. Люди в сложных ситуациях импровизируют и проявляют инициативу, они характеризуются большей склонностью к риску. В целом люди такой культурной ориентации считают, что способны решать проблемы и без детальных формальных правил, поэтому строго формализованные правила устанавливаются только в случае высокой необходимости.

«Маскулинность» (MAS – Masculinity) – показатель склонности людей к напористости и жесткости, сосредоточенности на материальном успехе, отсутствию интереса и заботы к другим людям и условиям их жизни, к межличностным отношениям как таковым. Речь идёт о том, являются ли наиболее важными так называемые «мужские» («настойчивость»,

¹ Высокоэмоциональное поведение может быть также вызванным ситуативным изменением внешней среды, связанным, например, с общей трансформацией социума. Поэтому данный показатель, в отличие от остальных, при высоких его значениях нуждается в дополнительной проверке на длительном временном отрезке.

«Избегание неопределённости» – показатель того, насколько люди проявляют нетерпимость к неясным ситуациям и рискам, пытаются уклониться от них посредством выработки чётких правил, веря в их абсолютную оправданность и отказываясь терпеть девиантное поведение.

«Маскулинность» – показатель склонности людей к напористости и жесткости, сосредоточенности на материальном успехе, отсутствию интереса и заботы к другим людям, к межличностным отношениям как таковым.

«уверенность в себе», «успех и конкуренция») или «женские» ценности («жизненные удобства», «поддержание тёплых личных отношений», «забота о слабых», «солидарность», «скромность»). В обществах с повышенным показателем «маскулинности» социальные роли мужчин и женщин существенно различаются. В них считается общепринятой ориентация мужчин на материальный успех и жёсткость в поведении – в противоположность женским ценностям, среди которых главное место занимают скромность и чуткость. В культурах такого типа приветствуются конкурентная борьба, соревновательность и стремление победить. Соответственно этим ценностям в детях воспитываются честолюбие и умение преподнести свои способности в лучшем свете. В трудовой сфере в таких культурах приоритет отдаётся результату, приветствуется награждение по принципу реального вклада в работу. В феминных культурах ролевым различиям между мужской и женской частью населения не придаётся большого значения. Более того, и те, и другие демонстрируют большое сходство в занимаемых позициях и взглядах. Особое внимание со стороны всех членов общества уделяется скорее духовным, чем материальным ценностям – поддержанию хороших взаимоотношений между людьми, заботе о ближних, вниманию к человеку. Предпочтительным путём разрешения конфликтов считается поиск компромисса, а награждение за труд происходит по принципу относительной эгалитарности.

Тип «ментальных программ» россиян

Какой тип «ментальных программ» более характерен для россиян? Для ответа на этот вопрос используем результаты всероссийского исследования, проведённого в марте–апреле 2010 г. Центром комплексных социальных исследований Института социологии РАН (руководители проекта М. К. Горшков и Н. Е. Тихонова)¹. Регионами опроса являлись 12 территориально-экономических районов России. Выборка исследования репрезентировала население страны по региону проживания, полу, возрасту и типу поселения. Опрос охватил 1734 респондента в возрасте от 18 лет и старше.

Значения хофстедовых показателей для России, впервые полученные на общенациональной репрезентативной выборке, отражены в [таблице 1](#).

¹ Отметим, что выбор 2010 г. обусловлен определённой стабильностью и оптимизмом, характерными для этого года (см. [Латова 2016: 51]). С одной стороны, кризис 2008 г. уже сменился экономическим ростом, а с другой – ещё не начались протестные политические выступления 2011–2013 гг. Таким образом, можно говорить, что в 2010 г. мы наблюдали культурную специфику россиян, не замутнённую политическими и экономическими катаклизмами.

Таблица 1

Показатели культурной спецификации россиян,¹ %

Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IDV)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределённости (UAI)
28	61	36	91

Получить целостное представление о ментальности россиян, а также о близости/отдалённости России от других стран мира по культурным характеристикам Г. Хофстеда можно благодаря ментальной карте, построенной на основе многомерного шкалирования² (см. рис. 1). Из 70 зарубежных стран, представленных в исследовании нидерландского учёного, для многомерного шкалирования взята 61 страна. Некоторые страны были нами исключены по соображениям недостаточной надёжности полученных по ним данным. Например, данные по Китаю исключены, поскольку являются в основном результатом наблюдений и работы с литературными источниками [Hofstede 2001].

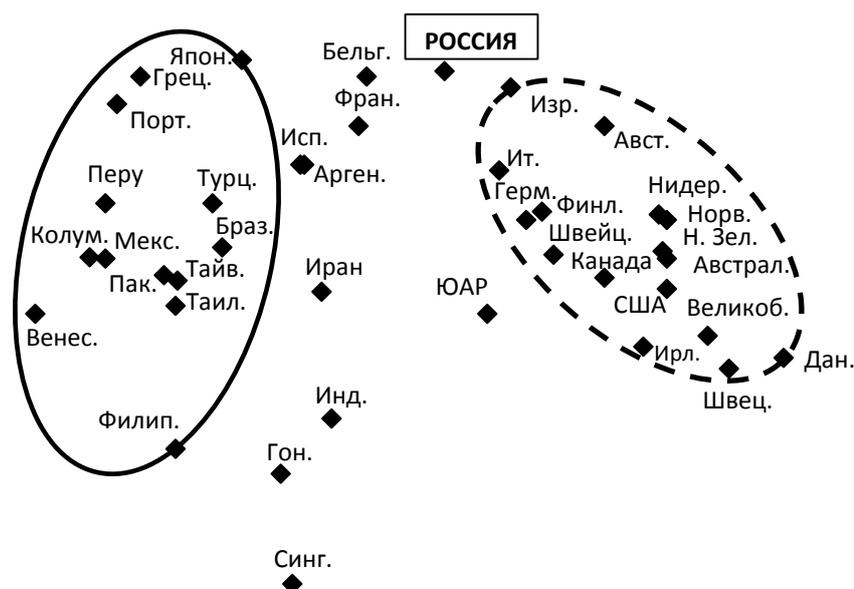

Рис. 1. Результаты многомерного шкалирования (ALSCAL) 61-й зарубежной страны и России (на рисунке для облегчения зрительного восприятия показаны только 38 зарубежных стран): сплошной линией обведён «ареал Востока», пунктирной линией – «ареал Запада».

Параметры моделирования: Stress-value = 0,178; RSQ = 0,848

¹ За основу был взят опросник Хофстеда в версии VSM94. Данный инструментальный выбран потому, что, с одной стороны, он уже не раз прошёл проверку на валидность [Sondergaard 1994; Shackleton, Ali 1990], а с другой стороны, в процессе использования этой методики накоплен огромный массив данных, дающий большие возможности для кросс-культурного сравнения. В результате вычислений [Hofstede 2005] каждый показатель получил числовые оценки, которые варьируются в интервале от 0 до 100.

² Ключевая величина при данной процедуре анализа – расстояние между точками: если две точки на изображении сильно удалены друг от друга, то между соответствующими объектами имеется значительное расхождение и, наоборот, близость точек свидетельствует о сходстве объектов.

По этой карте нельзя определить, за счёт какого именно индикатора Россия сближается/отдаляется в отношении той или иной страны¹. Однако именно такая карта интересна для понимания ситуации в целом.

Большинство стран мира, согласно полученной модели, группируются в два блока: в первый попадают страны Запада (здесь нет ни единой страны с неевропейскими культурными корнями), а во второй – страны Востока (страны исламской, конфуцианской, индо-буддийской, православной и иберо-американской цивилизаций). Однако девять стран, помимо России, не попали ни в одну из этих двух групп. Это страны, культура которых характеризуется какими-либо уникальными культурными особенностями. В их числе, например, Гонконг (относящийся территориально к восточному региону) – в настоящее время специальный административный район Китайской Народной Республики, один из ведущих финансовых центров Азии и всего мира. Уникальность Гонконга сформировалась под воздействием внешнего влияния Великобритании, под чьим контролем Гонконг находился в течение последних 150 лет. Уникальна и культура Испании, поскольку эта иберийская страна в силу исторических причин имеет гораздо более близкую к странам Востока культуру, чем, например, Германия, а в последние десятилетия к этому добавился ещё и эффект массовой миграции из стран Северной Африки. К числу таких же уникальных стран относится и Россия. Можно сделать вывод, что Россия либо промежуточна между странами Востока и Запада, либо характеризуется специфичностью культурных характеристик.

Для более ясного понимания месторасположения России в международном культурном пространстве разберёмся, чем различаются группы так называемых «Запада» и «Востока». Основываясь на данных Г. Хофстеда, вычислим средние показатели культурных характеристик для обеих групп стран, а также определим характер распределения признака в каждой из групп, используя показатели коэффициента асимметрии (A_s)² и стандартного отклонения (S.D.)³ (см. таблицу 2).

¹ Более подробно о культурных характеристиках россиян см. [Латова, Тихонова 2010].

² Асимметрия показывает, к какому полюсу (низких или высоких) значений наблюдается тяготение показателя культурной специфики для группы стран. При $A_s = 0$ отмечается нормальное, симметричное распределение; если $A_s < 0$ – это означает, что наблюдается асимметрия в сторону высоких значений показателя культурной специфики (большинство стран имеют показатель больше среднего по своей группе, а средняя получается за счёт очень низких показателей меньшинства стран); при $A_s > 0$ преобладает асимметрия в сторону низких значений. Если $|A_s| > 0,5$, то асимметрия значительна; если $|A_s| < 0,25$ – незначительна, а при $0,25 < |A_s| < 0,5$ – асимметрия считается умеренной.

³ Стандартное отклонение характеризует степень схожести (единства) между странами внутри подборок. Небольшое стандартное отклонение означает высокую степень схожести показателей культурной специфики между разными странами. Чем выше стандартное отклонение, тем больше различие между странами.

Таблица 2

Показатели культурной специфики групп стран Запада и Востока

Группа стран	Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IDV)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределённости (UAI)
Запад	32	74	50	53
S.D.	11	11	26	17
As	-0,52	-0,17	-0,64	0,06
Восток	69	27	49	76
S.D.	14	13	16	19
As	0,24	0,74	0,63	-0,34

Группа стран «Запада» сформирована 17 странами. Наиболее общие культурные характеристики для этой группы таковы:

- низкая «дистанция власти» (среднее значение PDI=32, а поскольку A_s имеет отрицательное значение и по модулю больше 0,5, то фиксируется заметная левосторонняя асимметрия, т. е. большинство значений распределения сдвинуто в сторону более высоких показателей, которые, тем не менее, даже с учётом стандартного отклонения ниже аналогичного показателя по странам «Востока»);

- высокий «индивидуализм» (среднее значение IDV=74, асимметрия слабая);

- средняя «маскулинность» (среднее значение MAS=50, но большинство значений распределения сдвинуто в сторону более высоких показателей);

- среднее «избегание неопределённости» (среднее значение UAI=53, асимметрия практически отсутствует).

- Существенный разброс (S.D.=26) наблюдается только по показателю «маскулинность».

- В группу стран «Востока» попало 29 стран, характеризующихся:

- высокой «дистанцией власти» (среднее значение PDI=69, большинство значений распределения незначительно сдвинуто в сторону более низких показателей);

- низким «индивидуализмом» (среднее значение IDV=27, большинство значений распределения имеют более низкие показатели);

- средней «маскулинностью» (среднее значение MAS=49, большинство значений распределения сдвинуто в сторону более низких показателей);

- высоким «избеганием неопределённости» (среднее значение UAI=76, большинство значений распределения умеренно сдвинуто в сторону более высоких показателей).

Наименьшая однородность между странами «Востока» наблюдается по показателю «избегание неопределённости» (S.D.=19).

В целом различия между странами «Запада» и «Востока» наблюдаются в первую очередь по показателям «дистанция власти» и «индивидуализм». В определённой степени такое различие прослеживается и по показателю «избегание неопределённости», но оно почти отсутствует по показателю «маскулинность».

Для России в сравнительной перспективе типичны западные показатели «индивидуализма» (IDV=61) и «дистанции власти» (PDI=28), которые определяют поляризацию стран мира на «Восток» и «Запад». При этом у России наблюдается очень высокое «избегание неопределённости» (UAI=91), не характерное даже для большинства восточных стран, и пониженный показатель «маскулинности» (MAS=36), который также выводит нашу страну на особые позиции по отношению не только к странам Запада, но и к большинству стран Востока.

Казалось бы, данные, полученные при помощи etic-подхода, свидетельствуют о том, что российские культурные ценности близки к западным. Продолжая эту линию рассуждений, можно далее сказать, что близость неформальных (культурных) институтов предполагает и возможность эффективной имплантации в российское общество западных формальных (юридических, политических, организационных) «правил игры». Иначе говоря, заимствование западных институтов для России, хотя и не является однозначно верным решением, но может рассматриваться, коль скоро российские культурные ценности близки к западным, как вполне приемлемый вариант модернизации («вестернизации») российского общества. Так ли это?

Уточнить или прояснить ситуацию поможет emic-подход. Если окажется, что в целом население России культурно однородно и обладает внутренне непротиворечивыми культурными особенностями, то это даст лишний повод считать Россию периферией западной цивилизации с вытекающим отсюда выводом о возможности и правомерности заимствования западного опыта. Если же культурная специфика России окажется результатом размытых базовых ценностей, конгломерата разнонаправленных культурных особенностей, то это должно быть воспринято как повод к более осторожным политическим решениям, связанным с западной ориентацией модернизации.

Каждый из показателей Г. Хофстеда основан на тестировании (выяснении важности, значимости) четырёх базовых ценностей по пятибалльной шкале (см. таблицу 3), которые затем с разными весами становятся слагаемыми (элементами)

Различия между странами «Запада» и «Востока» наблюдаются по показателям «дистанция власти» и «индивидуализм». В определённой степени такое различие прослеживается и по показателю «избегание неопределённости», но почти отсутствует по показателю «маскулинность».

Для России в сравнительной перспективе типичны западные показатели «индивидуализма» (IDV=61) и «дистанции власти» (PDI=28), которые определяют поляризацию стран мира на «Восток» и «Запад».

этого показателя. Сами показатели являются биполярными: например, показатель «индивидуализм» образует шкалу с полюсами «индивидуализм» (полюс 1) и «коллективизм» (полюс 2)¹, а «дистанция власти» – шкалу с полюсами высокая «дистанция власти» (полюс 1) и низкая «дистанция власти» (полюс 2).

Таблица 3

**Базовые ценности как компоненты культурных показателей
Г. Хофстеда**

Ориентация	Дистанция власти	Индивидуализм	Маскулинность	Избегание неопределённости
Полюс 1	Связи с руководством (35) Наличие чёткой иерархии (20)	Важность личной жизни (50) Работа как способ самореализации (25)	Признание своей вины в неудачах (70) Карьеризм (20)	Отношение к конкуренции (50) Нерушимость правил (15)
Полюс 2	Практика высказывания вслух несогласия (25) Демократический стиль принятия решений (35)	Защита от увольнений (20) Условия работы, которые обеспечивает организация (30)	Доверие к людям (20) Внимание к человеческим умениям и качествам партнёра (60)	Общее спокойствие (25) Наличие энциклопедических знаний и широкого кругозора (20)

Кроме ориентации на тот или иной полюс шкалы базовые ценности Г. Хофстеда имеют разную силу связи (весовой коэффициент) с тем показателем, который они образуют. В таблице 3 весовые коэффициенты для каждой базовой ценности указаны в скобках. Например, для показателя «индивидуализм» наибольшее значение имеет ответ на вопрос о важности личной жизни и наименьшее – о защите от увольнений (весовые коэффициенты для этих ценностей различаются в 2,5 раза).

Что же необходимо изучить в культурной специфике россиян, чтобы увидеть не только то, что лежит на поверхности, но и уяснить глубинные основы фиксируемых нами культурных показателей? Для этого, на наш взгляд, необходимо изучить *компоненты* каждого культурного показателя Г. Хофстеда, фиксируя внимание на *гомогенности* или *гетерогенности* полученных характеристик. Каждый культурный показатель нидерландского учёного является результатом усреднения отдельных его компонентов. За этим усреднением может скрываться как гомогенность (единство, сплочённость), так и гетерогенность (разобщённость, мозаичность) общественного сознания. Как известно, средний показатель может ввести исследователя в заблуждение: он может быть результатом как однозначной позиции респондентов по изучаемой проблеме/

¹ Полюс 1 связан с высоким проявлением показателя культурной специфики, а полюс 2 – с низким. В случае с показателями «дистанция власти» и «избегание неопределённости» для обозначения этих полюсов используется понятие «высокий» и «низкий». В случае остальных двух показателей низкий «индивидуализм» обозначается как «коллективизм», а низкая «маскулинность» – как «феминность».

вопросу (все ответы сгруппированы вокруг определённой точки на шкале), так и, наоборот, неоднозначности суждений (ответы разбросаны/«размазаны» по всей шкале). В целом современная гомогенность общественного сознания определяет его вероятную стабильность и в будущем, в то время как гетерогенность может означать несформированность или изменчивость (размывание) базовых ценностей.

Чтобы понять, насколько однородны (гомогенны) данные предпочтения у россиян, построим их перцентильную структуру¹, которая поможет наглядно понять разброс значений по ценностям каждого показателя². Ценность будет считаться общепринятой (однородной, гомогенной) в обществе в том случае, если по пятибалльной шкале ответы большей части населения сгруппируются в пределах двух (например, «4» и «5»), максимум трёх шкальных оценок (например, «3», «4» и «5»).

Мы разбили ответы всех респондентов на 7 равных групп, получив данные по 14-ому, 29-ому, 43-ему, 57-ому, 71-ому и 86-ому перцентильям (см. таблицы 4–7). Найдя отклонение между 86-ым и 14-ым перцентильями, мы сможем судить, каков разброс значений по шкале ответов у 70% респондентов.

Объясним полученные данные на примере показателя «индивидуализм» (см. таблицу 4). В предложенной респондентам анкете каждая базовая ценность измерялась по пятибалльной шкале. Согласно полученным данным, по базовой ценности «важность личной жизни» 43% респондентов (43-й перцентиль) отметили на шкале градацию «1»; 71% опрошенных (71-ый перцентиль) выбрали градации «1» и «2»; наконец, 86% (86-ой перцентиль) фиксировали «1», «2» либо «3». Таким образом, отклонение по ценности «важность личной жизни» составило 2 балла (3–1). Исходя из того, что максимально возможное отклонение по пятибалльной шкале может составить 4 балла (5–1), отклонение в 2 балла является в целом незначительным, т. е. «важность личной жизни» россияне оценивают более или менее одинаково. Это даёт нам основания для вывода о гомогенности российского общества по данному параметру. В противовес этому ценность «работа как способ самореализации» характеризуется отклонением в 3 балла (4–1), что при

¹ Наиболее общепринятыми являются квартельные (деление совокупности на 4 равные части), квинтильные (деление совокупности на 5 равных частей) и децильные структуры (деление совокупности на 10 равных частей). Квартельные и квинтильные структуры дают возможность увидеть разброс значений по шкале ответов среди 50 и 60% респондентов, соответственно. Для целей изучения наиболее общих разделяемых подавляющим большинством населения страны культурных характеристик данные проценты представляются недостаточными. В то же время, децильные структуры, дающие возможность увидеть разброс значений по шкале ответов среди 90% респондентов, представляются нам излишне жёсткими и не оставляющими места для культурных вариаций, которые неизбежны вследствие индивидуального опыта каждой отдельной личности.

² Аналогичная методика изучения разброса значений переменной, измеренной на порядковом уровне, описана в [Крыштановский 2007: 30].

пятибалльной шкале уже означает довольно существенное различие в мнениях населения. Разброс мнений свидетельствует о гетерогенности данной ценности. В целом показатель «индивидуализм» складывается из трёх гомогенных ценностей («важность личной жизни», «защита от увольнений» и «условия работы, которые обеспечивает организация») и одной гетерогенной («работа как способ самореализации»).

Таблица 4

Перцентильное распределение значений ценностей показателя «индивидуализм» по пятибалльной шкале, в баллах

Перцентиль	Данные по базовым ценностям показателя «индивидуализм»			
	Важность личной жизни	Работа как способ самореализации*	Защита от увольнений	Условия работы, которые обеспечивает организация
14	1	1	1	1
29	1	2	1	1
43	1	2	1	1
57	2	3	2	2
71	2	3	2	2
86	3	4	3	3
Отклонение**	2	3	2	2
Вывод	Гомогенный			

*Цветом выделены те базовые ценности, по которым в обществе отсутствует единое мнение, т. е. наблюдается гетерогенность.

**Отклонение = 86-ой – 14-ый перцентиль.

Аналогичным образом рассматриваются и все остальные показатели.

Таблица 5

Перцентильное распределение значений ценностей показателя «дистанция власти» по пятибалльной шкале, в баллах

Перцентиль	Данные по базовым ценностям показателя «дистанция власти»			
	Связи с руководством	Наличие чёткой иерархии	Практика высказывания вслух несогласия	Демократический стиль принятия решений
14	1	1	2	1
29	1	1	2	1
43	1	2	3	2
57	2	2	3	2
71	2	3	4	3
86	2	3	4	3
Отклонение	1	2	2	2
Вывод	Гомогенный			

Таблица 6

**Перцентильное распределение значений ценностей показателя
«маскулинность» по пятибалльной шкале, в баллах**

Перцентиль	Данные по базовым ценностям показателя «маскулинность»			
	Признание своей вины в неудачах	Карьеризм	Доверие к людям	Внимание к человеческим умениям и качествам партнёра
14	1	1	2	1
29	2	1	2	1
43	2	1	3	1
57	3	2	3	2
71	3	2	4	2
86	4	3	4	2
Отклонение	3	2	2	1
Вывод	Скорее гетерогенный			

Таблица 7

**Перцентильное распределение значений ценностей показателя
«избегание неопределённости» по пятибалльной шкале, в баллах**

Перцентиль	Данные по базовым ценностям показателя «избегание неопределённости»			
	Отношение к конкуренции	Нерушимость правил	Общее спокойствие	Наличие энциклопедических знаний и широкого кругозора
14	1	1	1	2
29	2	2	2	3
43	2	2	3	3
57	3	2	3	4
71	3	3	3	4
86	4	3	4	5
Отклонение	3	2	3	3
Вывод	Гетерогенный			

Изучая перцентильную структуру ценностей каждого культурного показателя, мы пришли к следующим выводам: среди россиян нет единства мнений по следующим ценностям:

- «работа как способ самореализации» в показателе «индивидуализм» (см. таблицу 4);

- «признание своей вины в неудачах» в показателе «маскулинность» (см. таблицу 6);

- «отношение к конкуренции», «общее спокойствие» и «наличие энциклопедических знаний и широкого кругозора» в показателе «избегание неопределённости» (см. таблицу 7).

Среди россиян нет единства мнений по следующим ценностям:

- «работа как способ самореализации» в показателе «индивидуализм»;

- «признание своей вины в неудачах» в показателе «маскулинность»;

- «отношение к конкуренции», «общее спокойствие» и «наличие энциклопедических знаний и широкого кругозора» в показателе «избегание неопределённости».

Отметим, что только по показателю «дистанция власти» (см. таблицу 5) наблюдается единство мнений по всем ценностям. Следовательно, можно считать данный показатель, полученный в ходе проведённого исследования, наиболее гомогенным и в то же время стабильным.

Насколько отсутствие единства мнений по этим ценностям может влиять на показатели в целом?

Вернёмся к таблице 3, в которой указаны весовые коэффициенты для каждой базовой ценности. Чем выше значение (весовой коэффициент) ценности для показателя в целом, тем сильнее отсутствие единства мнений по этой ценности будет размывать и сам показатель.

Весовой коэффициент ценности «работа как способ самореализации» в показателе «индивидуализм» по модулю равен 25. Сравнивая это значение с весовыми коэффициентами остальных ценностей (50, 30 и 20), можно сделать вывод, что отсутствие единства мнений по ценности «работа как способ самореализации» не должно оказывать очень сильного влияния на показатель в целом и, следовательно, данный показатель может считаться более или менее гомогенным и стабильным. Однако следует учесть, что у ценности «работа как способ самореализации» превалирует умеренная асимметрия в сторону низких значений ($A_s = 0,4$), т. е. у большей части россиян средний показатель по этой ценности ниже среднего по совокупности в целом. Согласно шкале, предложенной Г. Хофстедом, более важные ценности имеют более низкий балл («1» приписывается особо важной ценности, а «5» – совершенно неважной). Другими словами, более низкий балл ценности «работа как способ самореализации» свидетельствует о том, что данная ценность более важна для россиян и, следовательно, у многих россиян наблюдается тенденция к более высокому «индивидуализму», чем тот, который мы получили по России в целом ($IDV = 61$).

Весовой коэффициент ценности «признание своей вины в неудачах» в показателе «маскулинность» по модулю равен 70. Это самый большой весовой коэффициент среди всех остальных ценностей показателя, поэтому размытие мнений респондентов в данном случае может оказывать существенное влияние и на весь показатель. Таким образом, несмотря на то, что перцентильное распределение значений ценностей показателя «индивидуализм» выглядит похожим на распределение по показателю «маскулинность» (гетерогенность только по одной базовой ценности), однако показатель «индивидуализм» следует признать в целом гомогенным, а показатель «маскулинность» – скорее гетерогенным. Причём у ценности «признание своей вины в неудачах» наблюдается умеренная асимметрия в сторону низких значений ($A_s = 0,3$). Таким образом, у большей части респондентов средний показатель по этой ценности

Только по показателю «дистанция власти» наблюдается единство мнений по всем ценностям. Следовательно, можно считать данный показатель наиболее гомогенным и в то же время стабильным.

ниже среднего по совокупности в целом, т. е. россияне скорее склонны признавать свою вину в неудачах, что характерно для менее феминных культур.

Наконец, весовые коэффициенты ценностей «отношение к конкуренции», «общее спокойствие» и «наличие энциклопедических знаний и широкого кругозора» в показателе «избегание неопределённости» равно 50, 25 и 20, соответственно. Это единственный показатель, у которого из 4-х ценностей по трём мнению респондентов сильно размыто по всей длине шкалы ответов. Данный показатель однозначно гетерогенный.

Итак, какие же выводы модно сделать на основании *etic* и *emic* изучения российской культурной специфики? Сведём все полученные нами данные воедино (см. таблицу 8).

Таблица 8

Российская культурная специфика в *etic* и *emic* перспективе

Культурный показатель	Значение российского показателя согласно опросу 2010 г.	Гомогенность/гетерогенность показателя*	Тенденции изменения показателя
Дистанция власти	Низкий	Гомогенность	Стабильный
Индивидуализм	Средний	Гомогенность	Повышение «индивидуализма»
Маскулинность	Низкий	Скорее гетерогенность	Повышение «маскулинности»
Избегание неопределённости	Высокий	Гетерогенность	Полная либо частичная трансформация

*Гомогенность/гетерогенность показателей – это результат работы с таблицами 4–7: выявление отклонений по перцентильным распределениям значений ценностей каждого культурного показателя.

Наблюдаемые тенденции можно разделить на две разные группы:

1. «Дистанция власти» и «индивидуализм».

Оба показателя, как мы уже отмечали ранее, выглядят прозападными (их значения характерны скорее для стран с западным типом культуры – по крайней мере, ближе к ним, чем к показателям стран с восточным типом культуры). Гомогенность обоих показателей свидетельствует о том, что в целом эти показатели российской культурной специфики стабильны. Социально-экономический кризис, возможно, наложит свой отпечаток на эти показатели, но даже в худшем варианте это вряд ли приведёт к кардинальным изменениям в этих показателях.

2. «Маскулинность» и «избегание неопределённости».

Оба показателя характеризуются гетерогенностью, а, следовательно, подвержены в ближайшее время высоко вероятным изменениям. Причём и тот, и другой показатель в условиях кризиса, начавшегося в 2014 г., скорее всего, будут

трансформироваться в направлении, подчёркивающим особенность культуры России: ярко выраженная «феминность» и крайне высокое «избегание неопределённости».

Даже при распространённой у россиян склонности нести ответственность за неудачи в жизни («признание своей вины в неудачах»), экономический кризис как внешнее (неподвластное для обычного человека) явление с высокой степенью вероятности приведёт к более артикулированной позиции по данному вопросу: неудачи в жизни не являются результатом ошибок отдельного человека, во всём виноваты «власти», «враги России» и т. д.¹ Усиление этой позиции приведёт к уменьшению показателя «маскулинность» у россиян.

Что касается «избегания неопределённости», то высокий показатель этой культурной характеристики имеет, судя по всему, давнюю традицию в российской истории. Можно предположить, что гетерогенность данного показателя – это своеобразный результат сложившейся в стране социально-экономической ситуации, при которой люди выражают не столько те ценности, которых они бы хотели придерживаться, сколько те, которых их вынуждает придерживаться ситуация. Например, отсутствие единства мнений по отношению к конкуренции может означать, что в стране отсутствует здоровая конкуренция: тот вариант корумпированного соперничества, с которым сталкиваются большинство россиян, на практике порождает и разнообразие подходов к отношению к ней. В свою очередь, экономический кризис вряд ли способствует тому, чтобы «отношение к конкуренции» и «общее спокойствие» как отдельные ценности стабилизировались в обществе, тем более стабилизировались в направлении более низких показателей «избегания неопределённости»².

Вместо заключения

Возвращаясь к вопросу о модернизации страны, следует констатировать, что «дистанция власти» и «индивидуализм» не противоречат задачам модернизации в западноевропейском её варианте. Россияне не только имеют более-менее по-западному выраженные ценности «дистанции власти» и «индивидуализма», но эти ценности в российской культуре ещё и гомогенны, а потому вряд ли подвержены размыванию. Оба этих показателя формируют основные принципы западной культуры

¹ О движении в этом направлении свидетельствуют данные мониторинга ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» [Седова 2016: 227; Мареева 2015: 53].

² Более вероятно, что кризис приведёт к более негативному отношению к конкуренции на работе и к большему эмоциональному напряжению, которые дадут более высокий конечный показатель UAI.

и являются общими рамками для функционирования западных формальных институтов. Схожесть этих показателей для стран Запада и России – хороший аргумент в пользу того, что западные формальные институты (правовые нормы, организационные структуры) будут понятны россиянам на уровне общественного сознания. Однако не следует ожидать, что одного понимания и положительного отношения к данным институтам будет достаточно. К этому должны прикладываться соответствующие, не противоречащие формальным институтам, неформальные правила игры. В этом плане больше всего вопросов вызывает показатель «избегание неопределённости». Причём проблема не столько в параметре этого показателя (высокое «избегание неопределённости»), сколько в его гетерогенности. Отсутствие единого мнения у россиян по тем правилам, которые являются наиболее общими¹ (восприятие конкуренции, компетентность, социально-психологический климат), может тормозить модернизацию на уровне её реализации. В принципе гетерогенность «маскулинности» и «избегания неопределённости» должны, видимо, нивелироваться по мере стабилизации ситуации в стране. Однако экономический кризис, начавшийся в 2014 г. и сильно затянувшийся, вряд ли способствует тому, что эти два показателя будут чётко артикулированы в ближайшее время.

Библиографический список

Грачев М. 1999. Менеджмент в «международной системе координат» // Экономические стратегии. № 2. С. 19–31.

Данилова Е., Тарарухина М. 2003. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения. № 3 (65). С. 53–64.

Инглхарт Р. 2002. Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу? М.: Московская школа политических исследований. С. 106–128.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.

Крыштановский А. О. 2007. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 281 с.

Латова Н. В. 2016. Влияние кризиса на удовлетворённость россиян своей жизнью и их социально-психологическое самочувствие // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков и др.; под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: Весь Мир. С. 41–65.

¹ Показатель «индивидуализм» относится к «я»-уровню личности, показатель «дистанция власти» – уровень «я и начальник», а показатель «избегание неопределённости» регламентирует общие правила и нормы среды в целом.

Латова Н. В., Латов Ю. В. 2001. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 31–43.

Латова Н. В., Тихонова Н. Е. 2010. Модернизация и характеристики российской национальной ментальности // *Готово ли российское общество к модернизации?* / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: *Весь мир*. С. 273–297.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. 2007. *Ценности культуры и развитие общества*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 528 с.

Магун В. С., Руднев М. Г. 2010. Базовые ценности россиян и других европейцев (По материалам опросов 2008 г.) // *Вопросы экономики*. № 12. С. 107–130.

Магун В. С., Руднев М. Г., Шмидт П. 2015. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. Т. 121. № 3–4. С. 74–93.

Мареева С. 2015. Ценностная палитра современного российского общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 50–65.

Руднев М., Магун В. 2011. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 4. С. 81–96.

Седова Н. Н. 2016. Какие жизненные цели и ценности являются сегодня для россиян наиболее важными? // *Российское общество и вызовы времени. Книга третья* / М. К. Горшков и др.; под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: *Весь Мир*. С. 223–246.

Цой Г., Лебедева Н. М., Татарко А. Н. 2016. Взаимосвязь ценностей и социально-экономических представлений у корейских и российских студентов // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 13. № 2. С. 310–322.

Danilova E., Yadov V. 2010. Russian labour culture: how it looks in comparison // *International Review of Sociology*. Vol. 20. № 1. P. 143–160.

Fischer R., Schwartz S. 2011. Whence Differences in Value Priorities? Individual, Cultural, or Artifactual Sources // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 42. № 7. P. 1127–1144.

Grachev M. 2009. Russia, culture, and leadership: Cross-cultural comparisons of managerial values and practices // *Problems of Post-Communism*. Vol. 56, № 1. P. 3–11.

Hofstede G. 2001. *Culture's Consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. 2 ed. Thousand Oaks CA: Sage Publications. 616 p.

Hofstede G. 1980. *Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values*. Newbury Park: Sage Publications. 328 p.

Hofstede G. VSM94 (Values survey module). 2005. Values survey module 1994. Manual // Geert Hofstede and Gert Jan Hofstede. URL: <http://studylib.net/doc/7719299/v-s-m--94---geert-hofstede> [Дата посещения: 20.07.2016].

Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. 2010. Cultures and Organizations. Software of the Mind. McGraw-Hill. 3 ed. 576 p.

House R., et al. 1999. Cultural influences on Leadership and Organizations: Project GLOBE // Advances in Global Leadership. Stamford. CT: JAI Press. Vol. 1. P. 171–233.

House R., Javidan M., Hanges P., Dorfman P. 2002. Understanding cultures and implicit on leadership theories across the globe: an introduction to project GLOBE // Journal of World Business. Vol. 37. № 1. P. 3–10.

Inglehart R., Baker W. 2000. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. Vol. 65. № 1. P. 19–51.

Javidan M., House R. 2001. Cultural Acumen for the Global Manager: Lessons from Project GLOBE // Organizational Dynamics. Vol. 29. № 4. P. 289–305.

Lebedeva N., Tatarko A. 2012. Values of Russians: the Dynamics and Relations towards Economic Attitudes // Препринты Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Серия Sociology. № 3. С. 1–26.

Magun V., Rudnev M., Schmidt P. 2016. Within-and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach // European Sociological Review. Vol. 32. № 2. P. 189–202.

Na E.-Y., Duckitt J. 2003. Value consensus and diversity between generations and genders // Social Indicators Research. Vol. 62/63. P. 411–435.

Schwartz S. H. 1994. Beyond Individualism/Collectivism: New cultural dimensions of values // Individualism and collectivism: Theory, method and applications. Sage Publications. Vol. 18. P. 85–119.

Schwartz S. H. 1999. A Theory of Cultural Values and Some Implications for Work // Applied Psychology. Vol. 48. № 1. P. 23–47.

Schwartz S. H. 1992. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology. Vol. 25. P. 1–65.

Schwartz S. H., Bardi A. 1997. Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe // Political Psychology. Vol. 18. № 2. P. 385–410.

Schwartz S. H., Ros M. 1995. Values in the West: A theoretical and empirical challenge to the Individualism–Collectivism cultural dimension // World Psychology. Vol. 1. P. 99–122.

Schwartz S. H., Sagie G. 2000. Value Consensus and Importance: A Cross-National Study // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 31. № 4. P. 465–497.

Shackleton V. J., Ali A. H. 1990. Work-related values of managers: a test of the Hofstede model // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 21. № 1. P. 109–118.

Sondergaard M. 1994. Research Note: Hofstede's Consequences: A Study of Reviews, Citations and Replications // *Organization Studies*. Vol. 15. № 3. P. 447–456.

Steel P., Taras V. 2010. Culture as a consequence: a multilevel multivariate meta-analysis of the effects of individual and country characteristics on work-related cultural values // *Journal of International Management*. Vol. 16. № 3. P. 211–233.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433

Russians' Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on Geert Hofstede's Concept)

Latova Natalia Valerievna

Candidate of sociological sciences, senior research fellow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: myshona@rambler.ru

Abstract. An ethnometrical analysis of Russians' cultural traits implies analyzing quantitative assessments of the respondents' commitment to certain values. In order to define Russians' cultural specifics, G. Hofstede's ethnographical method is utilized (VSM94). According to the results of an all-Russian survey conducted in March-April 2010, Western indexes such as "individualism" and "power distance" are typical to Russia, i.e. the very same indexes which polarize the world, dividing it into "East" and "West". At the same time a high level of "uncertainty avoidance" is observed in Russia, something which is not even inherent to most Eastern countries, together with a low "masculinity" index, which places our country into a unique position not only when compared to Western nations, but also when compared to most Eastern states. Such significant misalignment of those indexes which characterize the basic foundation of national culture not only displays Russia's specificity yet again, it also calls for a more comprehensive analysis of whatever stands behind this misalignment. While carrying out this analysis, the author examines the separate components of those indexes which are utilized in G. Hofstede's method (each one of these indexes is based on testing four basic values). It is concluded that most Russians accept those norms which underlie Hofstede's characteristics such as "power distance" and "individualism", which indicates the firm "European roots" of Russian culture. The similarities between these indexes in Western countries and in Russia substantiate the claim that Western formal institutions (legal norms, organizational structures) would be positively received by Russia's public consciousness. At the same time such characteristics as "masculinity" and "uncertainty avoidance" are heterogeneous, which indicates there being certain contradictions in the public consciousness when it comes to values. Formulated are hypothesis on the tendencies for shifts in Hofstede's Russian culture characteristics: "power distance" will be stable, "individualism" and "masculinity" might increase, while the tendencies for shifts in "uncertainty avoidance" are not clear. The heterogenic characteristics of "masculinity" and "uncertainty avoidance" should apparently level out in keeping with the situation in Russia becoming more stable. However, the economic crisis, which arose in 2014, is unlikely to contribute to these two indexes becoming distinctly articulated any time soon.

Keywords: etnometry, cultural specificity of the Russians, value homogeneity, value heterogeneity, modernization, Geert Hofstede.

References

Choi K., Lebedeva N. M., Tatarko A. N.. Vzaimosvyaz' cennostej i social'no-ekonomicheskikh predstavlenij u korejskih i rossijskih studentov [The Interaction between Values and Socio-Economic Attitudes among Korean and Russian Students]. *Psihologiya: NRU HSE's journal*, 2016, Vol. 13, no 2, pp. 310–322.

Danilova E., Tararuhina M. Rossiyskaya proizvodstvennaya kul'tura v parametrah G. Hofshteda [Russian Manufacturing Culture Measured by G. Hofstede Technique]. *Monitoring obschestvennogo mneniya*, 2003, no 3 (65), pp. 53–64.

Danilova E., Yadov V. Russian labour culture: how it looks in comparison. *International Review of Sociology*, 2010, Vol. 20, no 1, pp. 143–160.

Fischer R., Schwartz S. Whence Differences in Value Priorities? Individual, Cultural, or Artifactual Sources. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2011, Vol. 42, no. 7, pp. 1127–1144.

Grachiov M. Menedzhment v «mezhdunarodnoy sisteme koordinat» [Management in «the International Coordinate System »]. *Ekonomicheskie strategii*, 1999, no 2, pp. 19–31.

Grachiov M. Russia, culture, and leadership: Cross-cultural comparisons of managerial values and practices. *Problems of Post-Communism*, 2009, Vol. 56, no 1, pp. 3–11.

Hofstede G. Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. Newbury Park: Sage Publications, 1980. 328 p.

Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Second ed. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. 616 p.

Hofstede G. VSM94 (Values survey module). Values survey module 1994. Manual 2005. Geert Hofstede and Gert Jan Hofstede's website. URL: <http://geerthofstede.com/media/312/Manual%20VSM94.doc> [date of visit: 20.07.2016].

Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations. Software of the Mind. Third edition. McGraw-Hill, 2010. 576 p.

House R., et al. Cultural influences on Leadership and Organizations: Project GLOBE. *Advances in Global Leadership*. Stamford. CT, JAI Press, 1999, Vol. 1, pp. 171–233.

House R., Javidan M., Hanges P., Dorfman P. Understanding cultures and implicit on leadership theories across the globe: an introduction to project GLOBE. *Journal of World Business*, 2002, Vol. 37, no 1, pp. 3–10.

Inglehart R. Kul'tura i demokratiya [Culture and Democracy]. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvuyut obschestvennomu progressu. Moscow, MSPR, 2002, pp. 106–128.

Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, 2000, Vol. 65, no 1, pp. 19–51.

Inglehart R., Welzel C. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p.

Javidan M., House R. Cultural Acumen for the Global Manager: Lessons from Project GLOBE. *Organizational Dynamics*, 2001, Vol. 29, no 4, pp. 289–305.

Kryshtanovsky A. O. Analiz sociologicheskikh dannyh s pomoshch'yu paketa SPSS [Analysis of Sociological Data Using Statistical Package for the Social Sciences (SPSS)]. Moscow, SU HSE publ., 2007. 281 p.

Latova N. V. Vliyanie krizisa na udovletvorionnost' rossiyan svoey zhizn'yu i ih social'no-psihologicheskoe samochuvstvie [The Impact of the Crisis on the Russians' Life Satisfaction and Their Social and Psychological Well-being]. *Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni*. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2016, Vol. 3, pp. 41–65.

Latova N. V., Latov Y. V. Rossiyskaya ekonomicheskaya mental'nost' na mirovom fone [The Russian Economic Mentality in the World Background]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2001, no 4, pp. 31–43.

Latova N. V., Tikhonova N. E. Modernizaciya i harakteristiki rossiyskoy nacional'noy mental'nosti [Modernization and Characteristics of Russian National Mentality]. *Gotovo li rossiyskoe obschestvo k modernizacii?* Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2010, pp. 273–297.

Lebedeva N. M., Tatarko A. N. *Cennosti kul'tury i razvitie obschestva* [Cultural Values and the Development of the Society]. Moscow, SU HSE publ., 2007. 528 p.

Lebedeva N., Tatarko A. Values of Russians: the Dynamics and Relations towards Economic Attitudes. *Preprinty Programmy fundamental'nykh issledovaniy NIU VSHE: Sociology*, 2012, no 3, pp. 1–26.

Magun V. S., Rudnev M. G. *Bazovye cennosti rossiyan i drugih evropeycev (po materialam oprosov 2008 goda)* [Basic Values of Russians and Other Europeans (based on the surveys 2008)]. *Voprosy ekonomiki*, 2010, no 12, pp. 107–130.

Magun V. S., Rudnev M. G., Schmidt P. *Evropeyskaya cennostnaya tipologiya i bazovye cennosti rossiyan* [European Values Typology and Basic Values of Russians]. *Vestnik obschestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2015, Vol. 121, no 3–4, pp. 74–93.

Magun V., Rudnev M., Schmidt P. Within-and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach. *European Sociological Review*, 2016, Vol. 32, no. 2, pp. 189–202.

Mareeva S. V. *Cennostnaya palitra sovremennogo rossiyskogo obschestva* [Values of Modern Russian Society]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2015, no 4, pp. 50–65.

Na E.-Y., Duckitt J. Value consensus and diversity between generations and genders. *Social Indicators Research*, 2003, Vol. 62/63, pp. 411–435.

Rudnev M., Magun V. *Cennostny konsensus i faktory cennostnoy differenciacii naseleniya Rossii i drugih evropeyskikh stran* [Value Consensus and Determinants of Value Differentiation in Russia and Other European Countries]. *Vestnik obschestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*, 2011, no 4, pp. 81–96.

Schwartz S. H., Ros M. Values in the West: A theoretical and empirical challenge to the Individualism–Collectivism cultural dimension. *World Psychology*, 1995. Vol. 1, pp. 99–122.

Schwartz S. H. A Theory of Cultural Values and Some Implications for Work. *Applied Psychology*, 1999, Vol. 48, no 1, pp. 23–47.

Schwartz S. H. *Beyond Individualism/Collectivism: New cultural dimensions of values. Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1994. Vol. 18, pp. 85–119.

Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*, 1992, Vol. 25, pp. 1–65.

Schwartz S. H., Bardi A. Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe. *Political Psychology*, 1997, Vol. 18, no 2, pp. 385–410.

Schwartz S. H., Sagie G.. Value Consensus and Importance: A Cross-National Study. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2000, Vol. 31, no 4, pp. 465–497.

Sedova N. N. *Kakie zhiznennye celi i cennosti yavliayutsia segodnya dlia rossiyan naibolee vazhnymi?* [What are the Most Important Vital Purposes and Values for Russians nowadays]. *Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni*. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2016, Vol. 3, pp. 223–246.

Shackleton V. J., Ali A. H. Work-related values of managers: a test of the Hofstede model. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1990, Vol. 21, no 1, pp. 109–118.

Sondergaard M. Research Note: Hofstede's Consequences: A Study of Reviews, Citations and Replications. *Organization Studies*, 1994, Vol. 15, no. 3, pp. 447–456.

Steel P., Taras V. Culture as a consequence: a multilevel multivariate meta-analysis of the effects of individual and country characteristics on work-related cultural values. *Journal of International Management*, 2010, Vol. 16, no 3, pp. 211–233.